

МИГУЭЛЬ СЕРВАНТЕСЪ.

СУДЬЯ ПО БРАКОРАЗВОДНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

(DEL JUEZ DE LOS DIVORCIOS.)

ЛИЦА.

Судья по бракоразводнымъ дѣламъ.
Письмоводитель.
Прокураторь.

Старикъ.
Маріана, его жена.
Солдатъ.
Донья Гіомаръ, его жена.

Подлекаръ *).
Донья Альдонса, его жена.
Крючникъ **).
Два музыканта.

Зала суда.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ: Судья, Письмоводитель и Прокураторь; *судья садится на кресло. Входятъ:* Старикъ и Маріана.

Маріана (*старику очень громко.*) Ну, вотъ сеньёръ-судья бракоразводныхъ дѣлъ сѣлъ на свое судейское кресло; вотъ теперь, какъ хочу... хочу брошу дѣло, хочу въ

*) Въ подлинникѣ «сигуапо» — фельдшеръ: ихъ прежде называли подлекарями. Есть и пословица: «толкуй больной съ подлекаремъ». Отъ испанскаго «сигуапо» произошло русское слово: цырюльникъ. Какъ испанскій сигуапо, и русскій цырюльникъ, по экзамену, имѣлъ право пускать кровь, дергать зубы, ставить банки и пиявки.
Прим. перев.

**) Гапаран — носильщикъ тяжестей, то же, что въ Тифлисѣ мушъ. У насъ теперь тяжести перевозятся ломовыми извозчиками; но при нагрузкѣ и разгрузкѣ товаровъ на пристаняхъ, дебаркадерахъ и пр. есть артели носильщиковъ, которые называются крючниками.
Прим. перев.

ходъ пушу. Но нѣтъ, ужъ теперь я хочу жить на волѣ, проживать безданно-безпошлинно, какъ птица.

Старикъ. Ради Бога, Маріана, не суетись ты такъ съ своимъ дѣломъ! Говори ты потише, Богомъ прошу тебя. Посмотри, вѣдь ты всолошила всѣхъ сосѣдей своими криками; вотъ теперь сеньёръ-судья передъ тобой, ты и безъ крика можешь объяснить ему свою просьбу.

Судья. Что у васъ за споръ, добрые люди?

Маріана. Разводъ, сеньёръ, разводъ, — и опять разводъ, и тысячу разъ разводъ!

Судья. Съ кѣмъ и почему, сеньёра?

Маріана. Съ кѣмъ? Съ этимъ старикомъ, который передъ вами.

Судья. Почему?

Маріана. Потому, что не могу я переносить его причудъ, не могу постоянно ухаживать за его болѣстями, которыхъ у него нѣсть числа. Меня мои родители воспитывали совѣмъ не въ сидѣлки, или сестры милосердія. Я хорошее приданое принесла этому костяному скелету, который только жизнь мою заѣдаетъ. Когда я шла за него замужъ, такъ у меня лицо-то свѣтилось какъ зеркало, а теперь оно точно суконка. Ваша милость, сеньёръ-судья, разведите насъ, коли вамъ не желательно, чтобъ я удавилась. Смотрите, смотрите, какія борозды у меня на лицѣ, — это все отъ слезъ, которыя я каждый день проливаю, какъ только вздумаю, что я замужемъ за этой анатоміей!

Судья. Не плачьте, сеньёра! Умѣрьте вашъ голосъ и утрите слезы, я рассушу васъ по-справедливости.

Маріана. Позвольте мнѣ плакать, ваша милость; въ этомъ одно мое утѣшеніе. Въ королевствахъ и республикахъ, хорошо-то устроенныхъ, время супружеской жизни надо бы ограничить; черезъ каждые три года браки-то нужно бы разводить, или утверждать еще на три года, вотъ какъ аренды; и чтобъ ужъ никакъ не тянулись они всю жизнь, на вѣчную муку для обѣихъ сторонъ.

Судья. Если-бъ это можно, или должно было сдѣлать, такъ ужъ во что бы то ни стало, а давно бы это сдѣлали, сеньёра; но опредѣлите мнѣ точнѣе причины, которыя васъ заставили просить развода.

Маріана. Его дряхлость и мои цвѣтушія лѣта; никакого сна, потому что должна я вставать въ полночь, грѣть платки да мѣшочки съ отрубями и прикладывать ему къ бокамъ, и накладывать то ту, то другую перевязку, — а гораздо бы мнѣ пріятнѣе было видѣть, чтобъ ему пеньковую перевязку на шею присудили; и всю ночь сторожить, чтобъ поднимать повыше подушки, подавать сиропы да смягчительныя, чтобъ ему не тѣснило грудь; и припуждена я еще терпѣть дурной запахъ у него изо рта, которымъ разить отъ него на три выстрѣла изъ аркебуза.

Письмоводитель. Это должно быть оттого, что у него коренной зубъ гніеть.

Старикъ. Нѣтъ, не должно быть; потому что у меня во рту давно ужъ самъ чортъ не только кореннаго, а и никакого зуба не найдетъ.

Прокураторъ. Я слышалъ, что и закопъ такой есть, будто бы единственно за дурной запахъ изо рта можно развести жену съ мужемъ и мужа съ женой.

Старикъ. По правдѣ сказать, сеньёры, этотъ дурной запахъ, о которомъ она говоритъ, совсѣмъ не отъ гнилыхъ зубовъ, потому что у меня ихъ нѣтъ, и не отъ желудка, который совершенно здоровъ, а все это умыселъ ея злой души. Ваша милость, вы мало знаете эту сеньёру; а кто ее знаетъ-то, такъ, божусь вамъ, либо отмалчивается отъ нея, либо отрещивается. Двадцать-два года живу я съ ней мученикомъ, и нѣтъ-то мнѣ никакого утѣшенія въ жизни, терплю ея блажь, крики да причуды; и уже вотъ два года я каждый день получаю отъ нея потасовки и побои, чуть не на-смерть. Отъ ея крику я почти совсѣмъ оглохъ, и ужъ начисто помѣшался. Если она и ухаживаетъ за мной во время болѣзни, какъ она вамъ говоритъ, такъ дѣлаетъ это скрипя зубами, а совсѣмъ не такъ заботливо и ласково, какъ лекаря. Словомъ сказать, сеньёры, отъ этого брака я умираю, а она живетъ, потому что она полновластная госпожа всего моего хозяйства.

Маріана. Вашего хозяйства? Да какое-жъ у васъ хозяйство, кромѣ того, что вы приобрѣли на мое приданое? И половина всего благоприобрѣтеннаго моя. Ужъ какъ вамъ этого ни жалко, а изъ этого и изъ приданнаго, если я сегодня умру, я вамъ не оставлю ни на копѣйку, чтобы только доказать, какова моя любовь къ вамъ.

Судья. Скажите, сеньёръ, когда вы женились на вашей супругѣ, вы были еще молодцомъ, здоровымъ, крѣпкимъ человѣкомъ?

Старикъ. Я ужъ говорилъ, что прошло цѣлыхъ двадцать два года съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ подъ ея команду, вотъ точъ-въ-точъ какъ подъ начальство калабрійскаго капитана въ каторжную работу на галеры; я тогда былъ такъ здоровъ, что какую хочешь игру заводи, не скоро забастую.

Маріана. Было-то было, да не надолго хватило, пословица говорится.

Судья. Молчите, молчите, прахъ васъ побери, добрая женщина, и ступайте съ Богомъ; я не нахожу достаточнаго повода для развода. Вы пробовали сладкое, попробуйте и горькаго. Нельзя обязать мужей не подчиняться быстрому времени, — и не старѣться. Сопоставьте неприятности, которыя онъ вамъ теперь причиняетъ, съ тѣмъ добромъ, которое онъ дѣлалъ для васъ, когда могъ, и не возражайте болѣе ни одного слова.

Старикъ. Если только возможно, ваша милость сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе и облегченіе, освободивъ меня изъ этой тюрьмы. Оставаться въ ней, теперь отъ нея побои, это значить попасть въ руки палача, который будетъ меня терзать. А вотъ бы что сдѣлать: шла бы она въ монастырь, а я въ другой; раздѣлили бы мы имѣніе, и жили бы такимъ образомъ въ мирѣ, посвятить на служеніе Богу остальные дни своей жизни.

Маріана. Вотъ еще чортъ тебя возьми! Очень мнѣ нужно запирать себя въ монастырь. Я вѣдь не дѣвчонка; тѣмъ можетъ быть нравятся сѣтки, потайныя двери,

желѣзныя рѣшотки въ окнахъ да подслушиванье. Запирайтесь въ монастырь! Вамъ это легко, потому что у васъ нѣтъ ни глазъ, чтобъ видѣть, ни ушей, чтобъ слышать, ни ногъ, чтобъ ходить, ни рукъ, чтобъ осязать. А я здорова, и всеми моими пятью чувствами, полными и свѣжими, хочу пользоваться открыто, а не прятать ихъ такъ, какъ игроки прячуть свои карты другъ отъ друга.

Письмоводитель. Вольнаго духа женщина!

Прокураторъ. И мужъ умный человѣкъ; но ужь больше ничего не спрашивай.

Судья. Я не могу произвести развода; *quia nullam invenio causam.*

Входятъ: Солдатъ, хорошо одѣтый, и его жена, донья Гюмаръ.

Гюмаръ. Благодареніе Господу, желаніе мое исполнилось, я нахожусь передъ вашею милостью. Самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, какъ только умѣю, умоляю васъ развести меня съ этимъ.

Судья. Что такое: „съ этимъ“? Развѣ у него нѣтъ другаго имени? Вамъ бы слѣдовало сказать, по крайней мѣрѣ: „съ этимъ человѣкомъ“.

Гюмаръ. Если бы онъ былъ человѣкъ, я бы и развода не просила.

Судья. Кто же онъ?

Гюмаръ. Полѣно.

Солдатъ. (*про-себя.*) Да, клянусь Богомъ, я буду молчаливъ и терпѣливъ, какъ

полѣно; я не стану оправдываться, не стану противорѣчить женѣ, можетъ быть, судья и сдѣлаетъ такое одолженіе, обвинитъ меня и, въ наказанье, избавитъ меня отъ неволи; вѣдь бываютъ же чудеса, и невольники иногда спасаются изъ тюремъ Тетуана.

Прокураторъ. Говорите учтивѣе, сеньѣра, и объясните дѣло безъ оскорбленій для вашего мужа; сеньѣрь-судья, который передъ вами, разсудитъ ваше дѣло по всей справедливости.

Гіомаръ. Отчего-жь, милостивые государи, вы не желаете, чтобъ я называла полѣномъ статую, въ которой движенія не больше, чѣмъ въ бревнѣ?

Маріана. Ну, видно, мы обѣ терпимъ одно и то же горе.

Гіомаръ. Скажу вамъ, наконецъ, сеньѣрь мой, что меня точно выдали за этого человѣка, если угодно вашей милости, чтобъ я его такъ называла; но вѣдь это не тотъ человѣкъ, за котораго я вышла замужъ.

Судья. Какъ же это такъ? Я васъ не понимаю.

Гіомаръ. То есть, я хочу сказать: я думала, что выхожу замужъ за человѣка дѣльнаго и проворнаго; а черезъ нѣсколько же дней оказалось, что я вышла, какъ уже я говорила, за полѣно. Онъ не знаетъ, которая у него правая рука; не находитъ ни средствъ, ни способовъ добыть хоть реалъ для поддержки своего дома и семейства. Утро онъ проводитъ по церквамъ у обѣдней и толчется у воротъ Гуадалахарскихъ, шепчется, разузнаетъ новости, разсказываетъ и слушаетъ сплетни. Послѣ полудня, да и по утрамъ тоже, шляется по игорнымъ домамъ, изъ одного въ другой, и только зѣвакъ прибавляетъ; а это такого сорта люди, которые, какъ я слышала, всѣмъ игрокамъ надоѣли и которыхъ они презираютъ. Въ два часа приходитъ обѣдать, не получивъ съ выигрышу ни отъ кого ни одного реала, потому что теперь ужъ это вывелось. Потомъ уйдетъ опять, возвращается въ полночь, ужинаетъ, коли найдетъ что; а коли нѣтъ, крестится, зѣваетъ и ложится спать; но всю ночь онъ не успокоится, а ворочается съ боку на бокъ. Спрошу его: „что съ тобой?“ Отвѣчаетъ мнѣ, что сочиняетъ въ умѣ сонетъ для друга, который его объ этомъ просилъ. Онъ воображаетъ себя по-этомъ, какъ будто это такое занятіе, которое избавляетъ отъ нужды.

Солдатъ. Моя сеньѣра, донья Гіомаръ, во всемъ, что говорила, не перешла границъ правды и основательности; и если-бъ я въ своихъ дѣлахъ былъ такъ же основателемъ, какъ она въ рѣчахъ, то ужъ давно бы я достала себѣ какое нибудь занятіе и хлопоталъ бы такъ же, какъ и другіе ловкіе и проворные людишки. Съ хлыстомъ въ рукахъ, на наемномъ мулѣ, маленькомъ, худомъ и зломъ, безъ погонщика, потому что такіе мулы никогда не нанимаются и ничего не стоятъ, съ перекидной сумкой на крупѣ, въ одной половинѣ воротничекъ и рубашка, въ другой кусокъ сыру, хлѣбъ и кожаная фляжка, безъ приличнаго дорожнаго платья, кромѣ пары штиблетъ объ одной шпорѣ, съ безпокойной торопливостью уѣзжаетъ онъ комиссіонеромъ по Толедскому мосту на лѣнливомъ и упрямомъ мулѣ. Глядишь, и черезъ нѣсколько дней посылаетъ домой окорокъ ветчины и нѣсколько аршинъ небѣленаго полотна, и такими вещами, которыя ни-

чего не стоять въ той мѣстности, куда онъ посланъ, поддерживаетъ свой домъ, какъ только онъ, грѣшный, можетъ... Но у меня нѣтъ никакой должности, и я не знаю, какъ добыть ее, потому что ни одинъ сеньёръ не желаетъ взять меня въ службу, оттого, что я женатъ. Такъ что я принужденъ надобдаться вашей милости, сеньёръ-судья, такъ какъ бѣдныя идалгы очень надобдливы, да и жена моя того же просить, раздѣлите и разведите насъ.

Гюмаръ. И еще вотъ что, сеньёръ-судья. Видя, что мой мужъ ни къ чему неспособенъ и терпитъ нужду, я умираю, чтобъ помочь ему какънибудь, но не могу; потому что, прежде всего, я женщина честная и ни на какія низости неспособна.

Солдатъ. Вотъ только единственно за это и стоитъ любви жена моя. Но подъ этой честностью таится въ ней самый дурной характеръ, какой только есть на свѣтѣ: ревнуетъ безъ всякой причины, бранится ни за что, превозносится, ничего не имѣя; а за то, что я бѣденъ, не считаетъ меня за человѣка. А хуже-то всего, сеньёръ-судья, она желаетъ, чтобы я, ради ея вѣрности ко мнѣ, терпѣлъ и скрывалъ тысячи тысячъ ея капризовъ и пошлостей.

Гюмаръ. Отчего-жъ нѣтъ? Почему вамъ не имѣть почтенія и уваженія къ такой добродѣтельной женщинѣ, какъ я?

Солдатъ. Слушайте, сеньёра донья Гюмаръ, что я желаю сказать вамъ передъ этими сеньёрами. Что вы такъ важничаете тѣмъ, что вы честная женщина, коли это ваша прямая обязанность, такъ какъ вы приходите отъ честныхъ родителей, такъ какъ вы христіанка, и наконецъ обязаны быть честной въ отношеніи къ самой себѣ? Хорошо было бы, если бъ жены требовали отъ мужей уваженія за то только, что чисты и честны; какъ будто бы только въ этомъ и состоитъ все ихъ совершенство, и при немъ онѣ могутъ обойтись безъ тысячи другихъ добродѣтелей, которыя онѣ обязаны имѣть. Что мнѣ изъ этого, что вы сами-то по себѣ честны, — если вы не смотрите за честностью вашей горничной, если вы постоянно нахмурены, сердиты, ревнивы, надуты, растрепаны, сонны, неодѣты, бранчивы, ворчливы, и еще съ другими безобразіями подобнаго рода, которыя способны сокрушить жизнь двумъ стамъ мужей? Но я вамъ доложу, сеньёръ-судья, что ничего этого въ моей сеньёрѣ доньѣ Гюмаръ нѣтъ; и я признаюсь, что я полѣно, что я неспособный, вялый и разсѣянный человѣкъ, и что только для порядка, хотя бы даже не было никакихъ другихъ причинъ, ваша милость обязаны развести насъ, потому что я сейчасъ симъ заявляю, что я ничего не имѣю возразить противъ того, что говорила моя жена, и что я считаю нашу тяжбу конченной и заявлю удовольствіе, если меня осудятъ.

Гюмаръ. Да что же можно возразить противъ того, что я говорю? Что вы не кормите ни меня, ни вашу горничную; и добро-бъ ихъ много было, а то всего одна, да еще симимѣсячный ребенокъ, который ѣсть не болѣе сверчка.

Письмоводитель. Потише! Входятъ новые просители.

Входятъ: Подлекаръ, въ одежду лекаря, и Альдонса де-Минхака, его жена.

Подлекаръ. Четыре весьма основательныя причины привели меня просить вашу милость, сеньёръ-судья, произвести разводъ между мною и сеньёрой доньей Альдонсой де-Минхака, моей женой, которая здѣсь передъ вами.

Судья. Вы начинаете рѣшительно. Скажите эти четыре причины.

Подлекаръ. Первая: видѣть ее для меня хуже, чѣмъ всѣхъ дьяволовъ вмѣстѣ; вторую она сама знаетъ; третья... я объ ней промолчу; четвертая, что я не хочу попасть къ чорту на рога, что непременно случится, если всю жизнь проживу въ союзѣ съ нею.

Прокураторъ. Онъ выразилъ свое желаніе самымъ удовлетворительнѣйшимъ образомъ.

Альдонса. Сеньёръ-судья, выслушайте меня, и замѣтите, что если у моего мужа четыре причины, чтобы просить развода, то у меня ихъ четыреста. Первая та, что каждый разъ, какъ я его вижу, мнѣ кажется, что я вижу самого люцифера; вторая, что я была обманута, когда выходила за него замужъ; онъ говорилъ мнѣ, что онъ настоящій пульсовый лекарь, который щупаетъ пульсъ, а оказалось, что онъ просто подлекаръ, который дѣлаетъ перевязки и лечитъ кой-какія неважныя болѣсти; и выходитъ, что онъ только половина настоящаго-то лекаря; третья, что онъ ревнуетъ меня даже къ солнцу, когда оно меня касается; четвертая, что я не могу его видѣть и желала бы убѣжать за два милліона верстъ отъ него.

Письмоводитель. Какой чортъ теперь справить эти часы, коли всѣ колѣса въ нихъ въ разладъ пошли?

Альдонса. Пятая...

Судья. Сеньёра, сеньёра, если вы желаете излагать всѣ свои четыреста причинъ, такъ я вамъ скажу, что я слушать ихъ не въ расположеніи, да и времени не имѣю. Ваше дѣло отлагается до изслѣдованія; и ступайте съ Богомъ, у меня есть другія дѣла спѣшныя.

Подлекаръ. Какія еще изслѣдованія, кромѣ того, что я не желаю умирать съ ней, а ей не правится жить со мной?

Судья. Если-бъ этого было достаточно для развода, то безконечное число супруговъ сбросили бы съ плечъ своихъ супружеское иго.

Входитъ Крючникъ въ четырехугольной шапкѣ на голову.

Крючникъ. Сеньёръ-судья, я крючникъ, — это ужъ я не запираюсь; но однако я старый христіанинъ и человекъ на руку честный, и если бы я иной разъ не набирался вина, или оно меня не забирало, что вѣрнѣе; такъ былъ бы ужъ давно старостой въ артели крючниковъ. Но это въ сторону, у меня есть еще много о чемъ разговаривать. Желаю я, чтобъ ваша милость, сеньёръ-судья, знали, что однажды я, закружившись до одуренія отъ паровъ Вакха, обѣщаль одной заблудшей женщинѣ жениться на ней. Когда я пришелъ въ себя и поправился, я исполнилъ обѣщаніе и женился на женщинѣ, которую я вытащилъ изъ грязи. Посадилъ я ее фруктами торговать; напала на нее

такая гордость и такой дурной характеръ явился, что ни одинъ-то покупатель не подойдетъ къ ея прилавку безъ того, чтобы она не поругалась съ нимъ; то у нея вѣсу не хватить, то зачѣмъ роются въ фруктахъ, и ужъ двумъ изъ трехъ непременно пустить гирю въ голову, или во что попало, — и срамить ихъ даже до четвертаго колѣна; а съ сосѣдками и товарками ни одного часу не живетъ въ мирѣ. И я цѣлый-то день долженъ держать въ рукахъ, точно дудку, свою шпагу наготовѣ, чтобы защищать ее. У насъ не хватаетъ всей выручки за неполный вѣсъ и на судебныя издержки за проигранныя тяжбы. Если ваша милость будете такъ добры, я желалъ бы, чтобы или развели меня съ ней, или, по крайней мѣрѣ, перемѣнили ея горячій характеръ на скромный и тихій; и обещаю я вашей милости, что перенесемъ мы даромъ вашъ весь уголь, который вы купите этой весной, потому что я въ своей артели большой вѣсъ имѣю.

Подленарь. Я знаю жену этого добраго человѣка; она такъ зла, какъ моя Альдонса, а выше этого ничего быть не можетъ.

Судья. Слушайте, сеньѣры: хотя нѣкоторые изъ васъ присутствующихъ дали нѣкоторыя показанія, въ которыхъ заключаются нѣкоторые поводы для развода; но, при всемъ томъ, необходимо письменное заявленіе и свидѣтели; а потому всѣ ваши процессы я отлагаю до представленія доказательствъ. Но, что это? Музыка и гитары въ моей присутственной залѣ? Это какія-то новости.

Входятъ два музыканта.

Музыкантъ. Сеньѣръ-судья, тѣ разсорившіеся супруги, которыхъ вы, ваша милость, соединили, согласили и примирили, ждуть вашу милость на большой пиръ въ ихъ домѣ; почему и послали насъ просить васъ сдѣлать имъ честь пожаловать къ нимъ.

Судья. Я сдѣлаю эту честь съ великимъ удовольствіемъ. И прошу Бога, чтобы всѣ присутствующіе примирились такъ же, какъ и они.

Прокураторъ. И помрутъ тогда съ голоду и пищцы и прокураторы этого присутственнаго мѣста. Нѣтъ, нѣтъ, все просите развода, всѣ; потому что наконецъ, — наконецъ, если васъ и не разведутъ, то, всетаки, намъ-то доходъ отъ вашихъ распрей и ссоръ.

Музыкантъ. Теперь пойдемте пировать и веселиться.

Знайте, добрые супруги,
Коли брань у васъ зайдетъ,
Что плохое примиренье
Все же лучше, чѣмъ разводъ.

Правда то иль заблуждене,
Но давно твердить народъ,
Что въ Ивановъ день раздоры
Миръ сулятъ на цѣлый годъ.

Послѣ горя снова радость
Тамъ, гдѣ знаютъ напередъ,

Что плохое примиренье
Все же лучше, чѣмъ разводъ.

Ревность женская намъ мука,
Но съ красавицей-женой
Намъ и горе то не горе,
Даже ревность рай земной.

О любовь, правдиво миѣнье
И испытанъ тотъ расчѣтъ,
Что плохое примиренье
Все же лучше, чѣмъ разводъ.